

Чехов А.П.
(фестиваль)

КУЛЬТУРА

НЕ ПУТАТЬ БЫ ТЕАТР С КАБАРЕ

Труд. - 1998.
- 5 мая. - с. 5

ЗАМЕТКИ С ЧЕХОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

Вот уже больше месяца в Москве проходит III Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова. За это время зрители смогли увидеть часть московских постановок, уже отмеченных премиями "Золотая маска" и "Хрустальная Турандот". Это "Варвар и еретик" (театр Ленком), "Свадьба" ("Мастерская Петра Фоменко"), "На всякого мудреца довольно простоты" (Театр под руководством Олега Табакова). Ну а что касается коллективов из дальнего зарубежья, на которые возлагались большие надежды, — тут одно разочарование следовало за другим.

После того как Петер Штайн привозил в Москву свои блистательные "Три сестры" А.Чехова, покоровшие всех без исключения, такого же впечатления ожидали от берлинского театра "Фольксбюне", где "Три сестры" поставил Кристоф Марталер — едва ли не самый модный сейчас на Западе режиссер-авангардист. Когда же переполненный зал увидел преднамеренную пародию на "Трех сестер", в которой режиссер решил издеваться над несостоятельностью чеховских персонажей, зрители почувствовали себя оскорбленными. Возмущенные, они даже выходили во время действия.

Не очень-то порадовал профессионалов и другой зарубежный коллектив, который открыл фестиваль, — Американский театр из Кембриджа, пытавшийся поработать в ключе мхатовской традиции. Показанные им три спектакля: "Шесть персонажей в поисках автора" Л.Пиранделло, "Когда весь мир был зеленым" С.Шепарда, "Король-Олень" К.Гоцци навели на мысль, что артисты стремятся постигнуть секреты внутреннего перевоплощения, но пока это им дается с трудом.

Когда на огромной сцене Театра Армии выступала самая знаменитая парижская труппа Л.Энконвенья де Бутюр под руководством 33-летнего Оливье Пи со спектаклем "Лицо Орфея", многие пробовали найти в нем то, чем славен французский театр. Но их поиски не увенчались успехом. Экстравагантный режиссер (он же драматург) попытался круто осовременить мифологический сюжет о певце Орфее: представил отдельно валяющуюся голову — муляж к туловищу и составил ожившего Орфея вместе с заманчивой ком-

панией кругами ходить по пустой сцене, приближая его к преисподней. Но прежде чем провалиться в тартарары, женоподобный Орфей в черном пальто, надетом на голое тело, очень долго философствовал и куда-то звал кровавую вакханку, насилующую мужчин, а также влюбленных лесбиянок и танцующего Сатира без фигового листочка. Перебор мужских голых задниц на сцене и демонстративное презрение к женскому полу отнюдь не возбуждало прекрасную половину зрительного зала, как, впрочем, и "нормальных" молодых людей.

В другом спектакле "Кабаре мисс Найф" Оливье Пи, усадив зрителей за столики и угощая их вином, предложил на закуску исполнение песен известных французских шансонье в пародийном духе. Сам по себе стиль кабаре всегда интересен, но при чем здесь драматический театр, у которого свои законы творчества? Однако, судя по тем зарубежным спектаклям, которые сегодня показываются в Москве, — все жанры механически смешиваются ими. И все — ради того, чтобы сделать красочное театральное шоу. Получается же зачастую красочная скука и безвкусица.

Следы гениальной простоты, органичности я увидела в работах грузинских артистов. Они в равной степени умеют представлять как высокую трагедию, так и комедию-буфф. В показанном на фестивале спектакле театра имени Ш.Руставели "Ламара" Г.Робакидзе прослеживаются христианские идеи. Тема жертвенности и всепрощения, заложенная в притче о трагической любви ясновидящего Миндиа и сплотившейся с небес Ламари, прочитана

Сцена из спектакля "Маскарад".

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

Робертом Стурра в духе героического эпоса. Когда начинается война чеченцев с хевсурами, Миндиа, понимающий язык растений и животных, теряет свой дар, потому что зло, поселившееся в сердцах людей, отнимает у него силы, и природа больше "не разговаривает" с ним. Чтобы вернуть людям мир, прекратить междоусобицу, Миндиа предлагает врагам убить его... Рассказывая о войне, Р.Стурра не смакует насилие. Своим спектаклем он взывает к человеческой мудрости и любви к ближнему, завещанной Богом.

Когда-то у литовского режиссера Р.Туминаса, который показал на этом фестивале "Маскарад" М.Лермонтова, был спектакль "Спаси нас, Господи" о трех бедных евреях. Местным национал-шовинистам, "защищающим" Литву от "инородцев", он, естественно, не нравился, как не нравилось и то, что Вильнюсский малый театр обращается к русской классике. Но для Туминаса выбор "Маскарада" был по всем параметрам принципиальным. В нем он выразил свое нынешнее ощущение жизни как трагического балагана, в котором личность, не

желающая носить маску, погибает. Удожественный образ спектакля поражает своей простотой и философской глубиной. Петербург предстает в виде красивого, зимнего города. Белый, падающий откуда-то сверху снег покрывает мраморные фигуры Летнего сада, ледяную арену, по которой кругами скользят ловцы удачи — профессиональные "игроки", втягивающие в свои жестокие игры новые жертвы. Арбенин пытается вырваться из этого замкнутого круга, но марионетки наступают, давят, направляют Евгения на жену и в конце концов добиваются того, что он сходит с ума. В произведении Лермонтова Туминас увидел не только драму чести, но прообраз нашего драматического бытия.

...До конца чеховского фестиваля еще далеко и, может быть, зрителю еще предстоит увидеть какие-то зарубежные шедевры. Не будем терять надежду. Пока же нас удивила и порадовала лишь ближняя заграница — Литва и Грузия, к театральным деятелям которых мы по-прежнему относимся как к своим. Может быть, потому, что много соли съели вместе...

Любовь ЛЕБЕДИНА.